
R. ONE
ИСПЫТАНИЕ
В ГУБАХЕ

R. One

Испытание в Губахе

«Автор»
2026

One R.

Испытание в Губахе / R. One — «Автор», 2026

31 декабря 2002 года. До Нового года остаются считаные часы. Андрей и Наталья вместе с друзьями отправляются встречать праздник в заснеженные уральские горы. Впереди — знакомые склоны, весёлая компания и надежда повторить один из самых счастливых Новых годов в их жизни. Но зимняя дорога распоряжается иначе. Авария, сломанный автомобиль, мороз и почти двести километров до дома. Друзья продолжают путь, а Андрей и Наталья принимают решение разделиться. Ей предстоит добираться на попутках до места, где появится мобильная связь, найти эвакуатор и вернуться за Андреем. Ему — остаться одному с неисправной машиной посреди уральской глуши. Темнеет. Движение на обычно оживлённой трассе почти замерло. Вокруг — заснеженный лес, тишина и холод. И неизвестно, удастся ли выбраться отсюда.Но на этой зимней дороге, где каждый из них ищет свой путь к спасению, произойдёт встреча, которую оба запомнят на всю жизнь.

© One R., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

R. One
Испытание в Губахе

Глава 1

Машину повело вправо. Я повернул руль, и она пошла ещё правее.

Перед нами висел снег, поднятый колёсами впереди идущей машины. Только что сквозь него просматривалась дорога, а теперь оставалось белое пятно, в котором «Лексус» разворачивался боком. Колея держала колёса крепче, чем я руль.

Я убрал ногу с газа. Кажется, слишком поздно.

Наталья сидела справа. Я успел увидеть, как она повернула ко мне голову. За её окном мелькнуло что-то тёмное, вертикальное.

Я ещё не понял, что это столб.

* * *

Летом девяносто восьмого у меня в кармане всегда находилось несколько камешков. Наталья жила на третьем этаже. Этим и объяснялось.

По субботам Борис подвозил меня с рынка до её дома. Обычно ходят к подъезду и звонят в дверь. У нас было налажено сообщение с другой стороны дома. Там, под балконами, стояла такая тишина, что стук о сухую деревянную раму должен был хорошо различаться. Мне оставалось рассчитать бросок. В первый раз я подобрал камень уже во дворе и потом брал с собой запас. На рынке к концу дня в карманах столько всего звенело, что пара камешков среди мелочи никому не мешала.

Около дома пахло тёплой пылью. Там, где жильцы поливали под окнами цветы, у стены лежала тёмная сырая земля. Солнце до неё уже не доставало, зато верхние окна напротив ещё горели. По этой стороне дома хорошо было слышно, как люди проводят субботу. У кого-то лилась вода, за сеткой от мух негромко говорил телевизор, чуть подальше хлопала дверь. Телевизор иногда замолкал, и тогда я бросал. Камешек, если промахнуться, шуршал о стену почти без звука. Если попасть куда следует, у него получался довольно приличный стук. Больше всего я боялся меткого броска в стекло.

Такие дворы летом были слышны насквозь. Из-за дома доносился скрип качелей, с торца проезжала машина и сразу стихала, а наверху кто-то открывал форточку, совершенно не представляя, с какой готовностью я на любой звук смотрю вверх. Перед подъездом солнце уже ушло, а под Натальиным балконом еще грело, южная сторона, хотя из травы тянуло сыростью. Отсюда хорошо видны были все её окна разом. Даже когда за стеклом ничего не двигалось, я ещё немного ждал. За день на рынке успевал привыкнуть к тому, что человек или возьмёт то, что ему нужно, или уйдёт. Здесь я никуда не уходил.

В тот раз первые два камешка остались без ответа. Третий звякнул как раз о стекло. Из соседнего окна показалась женщина. Я кивнул ей, всё ещё глядя вверх. Она успела перевести взгляд с меня на Натальин балкон, прежде чем там открылась дверь.

Наталья вышла в футболке, волосы мокрые после мытья, одна прядь прилипла ко лбу.

— Ты что творишь?

— Стучу.

— А чем?

Я показал ладонь. С третьего этажа в ней, наверное, ничего нельзя было разглядеть. Она и так догадалась.

— Ну конечно, камешками. Я думала, опять соседский кот гоняет банки.

Наталью больше интересовало, почему я поздно. С утра я столько говорил, что к вечеру от любого вопроса по привычке ждал продолжения про цену. Почти сразу она спросила, устал ли я. Я сказал, что немного, а она велела заходить и сама вышла к подъезду. Там я чуть было не прошёл мимо неё в полутьме. Она взяла меня за рукав.

— Ты серьёзно их с собой носишь?

— На всякий случай.

— Странный ты.

На лестнице прохладно пахло побелкой. Чем выше поднимались, тем тише был двор. Я уже мог отвечать обычным голосом. Наталья шла впереди и не переспрашивала. Возле двери она подождала меня, хотя там ей ничто не мешало открыть и пройти дальше.

На кухне было открыто окно, и шум с улицы шёл вровень с музыкой из радио. Когда Наталья вынимала пельмени, над кастрюлей поднимался пар, а от окна тянуло к столу воздухом, в котором уже чувствовался вечер. Пельмени в середине оставались горячими, сколько ни жди. Я подцеплял один, начинал есть с краешка, слушал и клал его обратно, если она рассказывала что-нибудь, о чём хотелось сразу переспросить. К вину это преимущество не относилось, вино было полусладкое и правильной температуры с первой минуты. На рынке мы ели когда придётся. У неё ужин занимал столько времени, сколько у нас находилось разговора.

Через окно на стол ложилось светлое пятно. Сначала в нём помещались обе наши тарелки, потом только край одной, ближе к окну оставался блеск на стакане. На дворе голоса ещё узнавались, а люди уже сливались с темнотой. Кухня становилась светлее улицы. Радио играло тише нашего разговора. По субботам мне нравилось, что никто здесь не ждёт, когда я успею уйти по другому делу. Сидели, пока из открытого окна не тянуло совсем по-ночному и Наталья сама не говорила, что пора его прикрыть.

За пельменями я и узнал, что приметить меня ей подсказала подруга. Приличный парень, сказала, молодой, неиспорченный. Наталья привела эти доводы с такой аккуратностью, будто помнила их наизусть и могла предъявить, если выяснится, что её ввели в заблуждение.

— Теперь хоть знаю, кто виноват.

Она засмеялась и подвинула ко мне тарелку. По звуку я уже мог отличить, как она смеётся над тем, что смешно ей самой, от случая, когда ей просто хочется, чтобы собеседнику не было неловко. Тут она смеялась как следует.

Depeche Mode я переводил ей на тетрадном листке. Разобрать под музыку слово ещё полдела. Напишешь по-русски, прочитаешь вслух, и оказывается, что человеку, который это должен петь, придётся либо пропустить половину, либо начать такта на два раньше. Я менял слово и снова слушал. Целую строку я вычёркивал и надписывал новую сверху. Уже одно это было удобнее, чем с компьютером, который я приволок к ней на Новый год.

За компьютером пришлось ходить несколько раз. Монитор был стеклянный, глубокий и требовал обеих рук. Самый тяжёлый его край, с экраном, приходился прямо на живот, а лестница имела неприятное обыкновение поворачивать на тесных площадках. Потом прибыли колонки и системный блок, и появилась надежда, что трудная часть закончилась. На полу мы разложили столько проводов, что подруги обходили их даже после того, как я объявил, что почти готово.

— Сейчас будет будущее, — сказала Наталья.

Будущее никак не могло найти свободную розетку.

Она и в самом деле интересовалась, что я там собираюсь включать. Ей только не требовалось, как мне, сперва установить, что всё сделано правильно. С неё хватало запустить музыку и сесть к своим. Остальные провода она с удовольствием оставляла мне.

С марта двухтысячного мы стали жить вместе у неё. Поначалу я находил ключ ещё на улице, и он успевал согреться в руке по дороге на третий этаж. Потом к ключу привык. Дома заводились общие поводы для опоздания: пока один в прихожей, другой вспомнит, что забыл

взять, а когда оба наконец готовы, возле двери окажется провод, который я обещал убрать. У каждого из нас нашлось своё представление о том, сколько длится «сейчас». Мы оба довольно скоро научились по тону определять, какое именно «сейчас» имеем в виду. До свадьбы дело пока не дошло.

Тридцать первого декабря две тысячи второго Наталья сидела справа от меня в «Лексусе». Мы ехали встречать Новый год в Губаху. Колёса уже шли куда им было угодно, а я ещё держался за руль.

* * *

«Лексус» ткнулся в сугроб и остановился.

Снег медленно сползал с лобового стекла. Из того, что до остановки двигалось, только он продолжал двигаться. В салоне стояла тишина, и обе мои руки оставались на руле.

— Ты как?

— Нормально. Ты?

Я кивнул. Снаружи, где секунду назад была дорога, теперь стояла белая стена. Дверь была не заперта, но упиралась в эту стену и не подалась даже от толчка плечом. Наталья попробовала свою.

— Здесь тоже.

Люк покупают на лето. В представлении покупателя через него идут солнце и воздух, иногда музыка, которую почему-то хочется сделать громче именно в хорошую погоду. Чтобы тридцать первого декабря вылезать через него в куртке и зимних ботинках, ещё и вдвоём, — такой возможности я при выборе автомобиля не учёл.

Мне пришлось сперва найти опору для ноги. Наверху сразу стало слышно, как на шоссе тормозят машины. Кто-то крикнул, всё ли у нас в порядке. Я торчал из крыши посреди сугроба и ответил, что всё хорошо. С дороги меня было видно, по крайней мере до плеч. Снег, в котором сидела машина, сверкал до ослепления.

Я выбрался наружу и помог Наталье. Изнутри казалось, что двери всего лишь чем-то подпёрты. Сверху было видно, сколько снега лежит у порогов и как далеко от укатанной колеи наш «Лексус» заплыл. Указатели оказались у самой крыши: Екатеринбург, Ачит, Красноуфимск. Снизу шли щиты с приложением к тому и другому направлению — ремонт колёс, автомагазин, автосервис. Достаточно было врезаться чуть удачнее, и ни одним предложением мы бы воспользоваться уже не смогли.

Столб стоял в нескольких шагах. Мы обошли его боком, и на снегу это было видно лучше, чем я видел саму дорогу во время заноса: широкая вмятина, надорванный край сугроба и немного чистого снега между следом и столбом. Я задержался возле машины, представляя, где сидела Наталья и какой стороной мы бы в него вошли. К этому моменту она уже смотрела в ту же сторону.

— Пойдём на дорогу, — сказал я.

Утром мы всей компанией сидели в «Трёх медведях». За столом среди знакомых были люди, которых я знал по именам и ещё толком не мог отличить от остальных. Теперь те же люди стояли на укатанном снегу и собирались вытаскивать мою машину. Всего в колонне было пять машин. Костя приехал с Машей, Борис со своей девушкой. Между стоянкой у кафе и этим местом у каждого образовалось своё представление о том, как надо цеплять трос. Сошлись на том, что сначала надо откопать колёса.

Снег достали до плотного пласта. Лопата шла с хрустом, крошки из-под неё попадали в ботинки, а освобождённое колесо выглядело гораздо меньше, чем должно выглядеть колесо, способное тащить за собой целую машину. Парни по очереди работали у борта. Я успевал помочь каждому понемногу. Наталья стояла на дороге и разговаривала с Костей.

Он спросил, какой краской для волос она пользуется. По её части вопрос был серьёзный, по моей — уже своевременный. Пока мы в сугробе пытались найти точку, за которую нас

можно потянуть, на дороге началось обсуждение седины. Я засмеялся вместе со всеми. Только сейчас стало понятно, что люди вокруг уже перестали бояться за нас, и я тоже мог на несколько минут перестать.

Когда дёрнули первый раз, «Лексус» шевельнулся ровно настолько, чтобы у всех появилось время поверить в успех. Потом лопнул трос. Один его конец упал на снег и лежал там совершенно смирно. У того, кто тянул, ещё ревел мотор, потом мотор стих, и мы услышали обычную дорогу.

Нашёлся другой трос. На этот раз машину переставили, чтобы не тянуть вбок. Под днищем остался плотный снег, и примерно в этот момент мы начали прикидывать, сколько японского комфорта на нём лежит. Ответ — тонна семьсот — звучал гораздо внушительнее, когда надо было сдвинуть её на метр. Второй трос тоже оказался оптимистом.

Потом мимо шёл трактор.

Сначала над дорогой раздался рокот. Потом из-за поворота показались большие колёса. Трактор остановился возле нашей компании. Не знаю, куда тракторист ехал тридцать первого декабря, но отложил это дело без особых переговоров. Посмотрел, откуда тянуть, подал трактор куда нужно. Мы, взрослые люди, которые уже успели коллективно обсудить практически всё, разошлись, чтобы он мог работать. Он выбрал слабину. Трос приподнялся над снегом, трактор потянул, и «Лексус», скребя днищем, поехал вслед за ним. Через несколько секунд мы уже были ему неинтересны как техническая задача.

Оказалось, машина вполне похожа на себя, если стоит на дороге. Колёса целы, двери открываются, до столба теперь далеко. Наталья уже стряхнула снег с сиденья. Мы сели, и перед нами снова лежало шоссе, достаточно широкое, чтобы по нему ехать прямо. Это произвело на меня такое хорошее впечатление, что я перестал оглядываться.

— Люк закрой.

Я поднял голову. Действительно.

В колонне дали нам время устроиться. Я закрыл люк, проверил зеркала. От снега, который мы принесли в салон, на сиденьях оставались сырые места. До Губахи их, конечно, продует печкой. Впереди ещё была вся вторая половина дня. Ради неё и стоило выбираться из сугроба.

#° #° #° #°#° #° #° #°#° #° #° #°#° #° #° #°#° #° #° #°#° #° #° #°#° #° #° #

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.